

Король велел окрестить Дофина: кардинал Мазарини держал его на руках вместо Папы.

После смерти принца Анри де Конде,²¹ который, умирая, тоже выказал большую твердость духа, говорили, что не так уж это почетно — хорошо умереть, раз эти двое умерли хорошо. На похороны Короля шли, как на свадьбу, а навстречу Королеве — словно на пирушку. Ее жалели и не знали, что она собой представляет.

Герцог Орлеанский

Герцог Орлеанский в детстве был приятным, веселым ребенком, и лет семь-восемь тому назад, при встрече с малолетним Королем¹ и герцогом Анжуйским, его учили говорить им: «Не удивляйтесь, я был таким же приятным и веселым». Он совершил, однако, весьма неловкий поступок в Фонтенбло, повелел бросить в канал лежкого дворянина, который, по его мнению, не выказал ему достаточной почтительности. Поднялся шум, ибо он не хотел извиняться перед этим дворянином, хотя ему приводили в пример Карла IX, который был Королем, — и тем не менее, узнав, что человек, косого он на охоте сгоряча ударил хлыстом (тот векстати попался ему на пути), является дворянином, Карл IX сказал: «Я ведь тоже только дворянин», — и принес ему свои извинения. Тот, однако, не пожелал больше появляться при Дворе. — Королева-мать хотела, чтобы Герцога высекли, и только это заставило его извиниться.

Герцог Орлеанский не раз жаловался на то, что в воспитатели ему дали только турка и корсиканца — г-на де Брева* и маршала д'Орвано, сына Альфонса, уроженца Корсики. Маршал этот обладал странной щепетильностью: он не осмеливался дотронуться ни до одной женщины, носившей имя Марии, — настолько он боготворил Пресвятую Деву. Влюбленный в г-жу де Гравель, он велел написать ее портрет, на коем из глаз ее исходили лучи; внизу же было написано:

Из глаз ее как бы лучи шлись.

Герцог Орлеанский всегда отличался добротою, да и умом он не хромал. Однажды на утреннем приеме, где было много придворных, пропали особо любимые им золотые часы с боем. Кто-то сказал: «Надобно закрыть дверь и всех обыскать». Герцог миролюбиво заметил: «Наоборот, господа, выпустите всех, а то как бы часы не пачкали бить и не выдали того, кто их себе присвоил». И он велел всем удалиться. Он встречается со знатными людьми и не поступает так, как поступает, говорят, герцог Анжуйский.

У герцога Орлеанского хорошая память: он знает наперечет все целебные травы. . . Самое прекрасное, что он сделал в своей жизни, это то,

* Он жил так долго в Константинополе, что стал совершенно магометанином.